ста. „Это—нашъ капиталъ“, говорилъ про Рязанцева самъ Щепкинъ, [1]) а послѣ переѣзда Рязанцева изъ Москвы въ Петербургъ Щепкинъ писалъ Сосницкому, что его печалитъ утрата, понесенная Москвой въ лицѣ Рязанцева.

Итакъ, Щепкинъ не былъ ни иниціаторомъ сценической естественности, ни единственнымъ пропагандистомъ ея даже въ началѣ своей артистической карьеры.

Но и этого мало. Щепкинъ не сталъ даже наиболѣе совершеннымъ выразителемъ этой естественности во внѣшнихъ пріемахъ игры среди современныхъ ему русскихъ актеровъ. Щепкину не удавалось въ своей игрѣ воплощать во всей полнотѣ тотъ идеалъ, который онъ въ этомъ отношеніи себѣ ставилъ. Правда, онъ сдѣлалъ чудеса въ приближеніи къ этому идеалу. Но были артисты, ему современные, которые его превосходили. Перебирая всѣ дошедшія до насъ оцѣнки игры Щепкина въ отношеніи естественности, мы наталкиваемся на нѣкоторую двойственность. Одни критики восторгались естественностью его игры. Вотъ, напримѣръ, рецензія въ журналѣ *Галатея* объ игрѣ Щепкина въ роли Фамусова (1839 годъ). „Разговоръ Щепкина такъ *естествененъ*, что вы совсѣмъ забываете, что это—выученная роль... игра Щепкина есть образецъ игры *естественной*, выразительной, отчетливой, мастерской“. [2]) Но въ рядѣ другихъ отзывовъ, дошедшихъ до насъ отъ различныхъ періодовъ творчества Щепкина, похвалы реальной и правдивой игрѣ Щепкина сопровождаются рядомъ существенныхъ отрывокъ. С. Т. Аксаковъ пишетъ: „Щепкинъ никогда не могъ отдѣлаться вполнѣ отъ искусственности, которая была слышна въ самой естественной игрѣ его“. [3])

Черезъ много лѣтъ Апполонъ Григорьевъ, сопоставляя игру Щепкина и Прова Садовскаго, отдавалъ рѣшительное пред-

[1]) Ibid., стр. 111 и 95. Ср. ст. Михайловскаго „Актеръ Рязанцевъ“ въ „Ежегодникѣ Имп. театровъ“ 1899—1900 гг. Въ водевилѣ „Братомъ проданная жена“ Рязанцевъ игралъ безтолковаго слугу. Баринъ посылаетъ слугу съ запиской. Слуга все не можетъ понять, куда итти. Наконецъ, баринъ, объясняя адресъ, говоритъ: „да еще напротивъ питейный домъ“.—„Питейный домъ,—вскрикиваетъ обрадованный слуга,—знаю!“ За одну эту фразу Рязанцева вызвали четыре раза. Такъ художественно правдиво была она сказана.

[2]) *Аглая*, 1839 г., № 8.

[3]) *Аксаковъ, С. Т.* „Разныя сочиненія“, стр. 118.